

«АПОКАЛИПСИС ПАВЛА» (НАГ-ХАММАДИ V, 2)

© 1991 Вступление, перевод с коптского и комментарий А. Л. Хосроева

Собрание коптских рукописей (12 книг + 8 листов из 13-й), обнаруженное в 1945 г. в Верхнем Египте (современный район Наг Хаммади), дало в руки исследователей совершенно новый материал, не только обогативший наше знание о литературе и — шире — религиозной жизни первых веков н. э., но и заставивший пересмотреть многие старые (зачастую упрощенные из-за недостатка источников) представления. Эти тексты, а их свыше 50, были переведены с греческих оригиналов, возникших в разных концах Римской империи I—III вв. н.э.¹ В библиотеке оказались не только христианские, принадлежащие церковной традиции, тексты (например, «Поучения Силуана» [VII,4]²), но и христианско-гностицистские («Евангелие Истины» [I, 3], «О воскресении» [I, 4] и пр.)³, не(до?)христианско-гностицистские («Апокалипсис Адама» [V, 5]), герметические («Асклепий» [VI, 8]) сочинения и даже одно произведение классической греческой литературы (отрывок из «Государства» Платона [VI, 5]).

Сочинения отражают практически все многообразие жанров, известных религиозно-философской (не только христианской) литературе Ближнего Востока того времени. Это и евангелия (кроме вышеназванных, «Евангелие от египтян» [III, 2 и IV, 2]⁴), и послания («Послание Петра Филиппу» [VIII, 2]), и деяния («Деяния Петра и двенадцати апостолов» [VI, 1]), и апокалипсисы («1-й Апокалипсис Иакова». [V, 3], «Апокалипсис Адама» [V, 5] и пр.)⁵, и богословские трактаты («О воскресении» [I, 4]

¹ Например, в Александрии («Поучения Силуана» [VII, 4]), в Эдессе («Евангелие от Фомы» III, 2]) или в Антиохии («Евангелие от Филиппа» [II, 3]). Впрочем, далеко не всегда можно установить, даже приблизительно, место и время возникновения некоторых текстов; для них *terminus post quem* по-прежнему является лишь сам коптский текст — рукописи, составившие библиотеку, были переписаны не позже середины IV в.

² Здесь и далее римская цифра обозначает общепринятый порядковый номер рукописи, арабская — номер сочинения внутри рукописи. Перевод всех текстов из Наг Хаммади на английский язык см.: The Nag Hammadi Library in English. J. M. Robinson (dir.). Leiden, 1977; 2nd ed., 1984; 3rd ed., 1988.

³ Несколько христианско-гностицистских текстов (например, «Апокалипсис Петра» [VII, 3] или «Свидетельство истины» [IX, 3]) содержат явную полемику против церковного христианства.

⁴ Заметим, что выделение жанров весьма условно. Сочинение, названное в заглавии «евангелием» или «посланием», на самом деле является богословским трактатом (см., например, «Евангелие от египтян» или «О воскресении»).

⁵ Один из текстов этого жанра дается ниже в переводе. Переводы нескольких сочинений из Наг Хаммади принадлежат М. К. Трофимовой. См.: М. К. Трофимова. Историко-философские попросы гностицизма. М., 1979 («Евангелие от Фомы»,

и пр.), и толкования («Толкование о душе» [II, 6]), и молитвы («Молитва апостола Павла» [I, 1]), и «изречения мудрецов» («Изречения Секста» [XII, 1]), и диалоги («Книга Фомы Атлета» [II, 7])...

Сравнительный материал, оказавшийся, по счастливой случайности, в составе библиотеки, помогает лучше понять историю бытования анонимного или псевдоэпиграфического религиозного текста. Так, в одном случае дублиеты (например, «Евангелие от египтян» [III, 2 и IV, 2]) позволяют утверждать, что сочинения этого рода пользовались большой популярностью (поскольку перед нами два, возможно, независимых друг от друга перевода на коптский); в другом — они позволяют установить наличие двух различных редакций одного и того же текста (например, «Апокриф Иоанна» [II, 1 и IV, 1 — пространная редакция; III, 1 — краткая]) также в двух независимых переводах. Еще два текста дают возможность проследить, как христианизировалось («Премудрость Иисуса Христа» [III, 4]) первоначально нехристианское гностическое сочинение («Блаженный Евгност» [III, 3]), — уникальный случай, когда оба эти сочинения, первоначальное и переработанное, помещены рядом в одной рукописи.

При исследовании текстов из Наг-Хаммади всегда следует помнить об одном весьма существенном обстоятельстве. Все эти сочинения принадлежат не авторской литературе, которая выходила из-под пера духовной элиты и к которой как к основному источнику привычно обращались ученые при анализе вопроса о многообразии раннего христианства и сопутствующих ему религиозных движений. Перед нами иной культурный уровень — не высокий уровень элиты, а среднего слоя уровень не профессиональных богословов и литераторов, постоянно обращавшихся в своем творчестве к наследию предшествующей культуры и прекрасно в нем ориентировавшихся, а тех, кто усваивал эту культуру не из первых рук и соприкасался с нею постольку, поскольку она была частью окружавшей его повседневной жизни. Поэтому мы не можем ожидать в этих текстах строгих богословских построений или тщательно отделанного литературного произведения — подобное было недоступно их создателям. Имена этих авторов были неизвестны современникам, поэтому они предпочитали либо оставаться анонимными (вспомним, например, многочисленные апокрифические «Деяния апостолов»), либо скрываться за авторитетом того или иного библейского (в случае, если мы имеем дело с христианским сочинением) персонажа. И не изложение какого-то конкретного богословия (которое у этих авторов формировалось на основе различных традиций и источников, соизмеримых с их культурой и доступных их пониманию), а другие мотивы определяли появление и последующее бытование подобного рода сочинений.

Тексты из Наг-Хаммади, различные по своей религиозной природе, засвидетельствовали диаметрально противоположные взгляды — от монистического, признающего лишь одного Бога, творца всего (например, «Евангелие Истины»), до

«Евангелие от Филиппа», «Толкование о душе», «Книга Фомы Атлета»): И. С. Свенцицкая, М. К. Трофимова. Апокрифы древних христиан («Апокриф Иоанна» и «Гром. Совершенный Ум»). М., 1989.

дуалистического, где появляются два бога: один, не причастный никакому злу и абсолютно непознаваемый, и другой, ущербный, ответственный за все зло в мире и не знающий, что существует благой Бог (например, «О происхождении мира» [II, 5] или «Ипостась архонтов» [II, 4]); между этими полюсами мы находим целый спектр учений и представлений о Боге, более или менее развитых. Однако это богословское многообразие не оказалось препятствием к тому, чтобы тексты были собраны в одну библиотеку, поскольку не богословие было стержнем, их скрепившим. Почти все они проповедуют строгую аскетическую мораль, согласно которой человек может постичь Бога, лишь избавившись от страстей и пороков, уйдя для этого в себя или даже уединившись физически от мира. И хотя вопрос о том, кому принадлежала библиотека и как она была собрана, не нашел пока однозначного решения, можно утверждать, что владельцы этого книжного собрания — была ли это какая-то гностическая группа (или отдельный гностик), или монахи пахомиевых монастырей, или какая-то другая аскетическая община — объединялись не на основе какого-то конкретного богословского учения, а на основе аскетической практики.

Однако владельцы библиотеки собирали уже готовый материал; на греческой почве, в разных странах, в разное время, в разных религиозных кругах, где зарождались эти тексты, не только аскетическая этика служила стимулом к его возникновению. Многие сюжеты и концепции, о которых традиция, в данном случае христианская, или упоминала вскользь, или вообще не говорила, будили воображение тех, кто знал эту традицию и ей следовал. Такое воображение (присущее носителю любого богословия и любой этики), заполнявшее все эти «недоговоренности» и будучи письменно зафиксированным, становилось апокрифическим сочинением, и подобная литература была неизмеримо богаче и многообразнее канонической — поскольку эта последняя довольно рано была закрыта от добавлений — и с религиозной, и с сюжетной точек зрения. К таким сочинениям принадлежит — как, впрочем, и многие тексты из Наг-Хаммади — и «Апокалипсис Павла».

Его анонимный автор, выбрав жанр «апокалипсиса» (откровение тайных явлений или грядущих событий, скрытых от других), хорошо известный и иудейской, и христианской литературам, отталкивался в своем рассказе от религиозного опыта апостола Павла, засвидетельствованного им во 2-м Послании к коринфянам (12:2-4). Там читаем: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет, — в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает, — восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке, — только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает, — что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать». Благочестивое воображение нашего автора (толчком которому, вполне вероятно, послужила какая-то, нам уже неизвестная, традиция толкований посланий этого апостола) — с одной стороны, побужденное слишком кратким рассказом апостола и, с другой, обусловленное гностицизирующими представлениями о многоступенчатости горнего мира (вспомним, например, Огдоаду у Валентина или 365 небес в космологических построениях Васидида), дополняет рассказ Павла многочисленными подробностями. Этот небольшой текст (зачастую

весьма поврежденный, он занимает неполных семь страниц рукописи) повествует о встрече апостола Павла со Святым Духом, явившимся ему в виде ребенка⁶, на пути в Иерусалим⁷; Дух побуждает Павла, присоединиться к двенадцати апостолам, а затем ведет его через небеса — от четвертого до десятого — и открывает ему тайны⁸.

О том, что этот сюжет волновал воображение не только автора нашего «Апокалипсиса», свидетельствует другой текст с тем же названием, который, имея более счастливую судьбу, дошел до нас в различных переводах с греческого (латинский, коптский, сирийский, эфиопский, армянский, древнеславянский), где содержится пространный рассказ о пребывании Павла на третьем небе.

Датировка и место возникновения таких текстов всегда вызывают затруднения, поскольку, с одной стороны, они не содержат каких-либо исторических или других реалий, позволяющих поместить сочинения в конкретное время и среду, с другой — анонимная литературная продукция, возникавшая, как правило, на нижних этажах культуры, всегда вторична по отношению к тем идеям, которые возникают и развиваются в литературе авторской, но, насколько первая отстает от второй по времени, сказать трудно. То же относится и к возможности строгого определения ее принадлежности тому или иному религиозному учению. В нашем тексте содержатся некоторые гностические концепции. Например, по свидетельству церковных ересиологов, Валентин считал, что унаследовал через Февду, ученика Павла, его тайное учение (Clem., Strom. VII, 106, 4); а последователи Валентина по-своему

⁶ Возможно, автор ассоциирует его с воскресшим Христом. Явление воскресшего Христа в виде ребенка — топос, хорошо известный апокрифической литературе.

⁷ Ср. рассказ «Деяний апостолов» (9:3-7) о явлении Бога апостолу Павлу на пути в Дамаск.

⁸ Епифаний, описывая ересь каинитов, говорит, что они «слепили от имени апостола Павла еще одну книжонку, полную грязного разврата, которой пользуются и так называемые гностики; называют ее "Восхождение Павла", отталкиваясь от слов апостола, что он восходил до третьего неба...» (Pan. 38, 2, 5). Однако краткий рассказ ересиолога не позволяет установить, имел в виду он этот текст или другой.

толковали восхождение Павла (Iren., Adv. Haer. II, 30, 7). Но это не может свидетельствовать о валентинианском происхождении сочинения, поскольку религиозные представления авторов подобных произведений (как, впрочем, и нашего автора) далеки от того, что можно было бы назвать строгой системой: они пользовались различными (взаимоисключающими, с точки зрения Церкви) традициями, которые для них были равноправными, и не могли переплавить их в единое целое.

Поэтому не следует идти далее предположения, что текст этот возник во II — III вв. в эллинистических христианских кругах, где был очень высок авторитет апостола Павла⁹.

⁹ Следует заметить, что далеко не все христиане признавали апостола Павла. Так, иудео-христианская секта ебионитов отвергала апостола Павла, называя его «отступником от Закона» (Iren., Adv. Haer. I, 26, 2).

ПЕРЕВОД (V, 2 : 17, 19-24,9)¹

17.19 ... [Апокалипсис Пав]ла² <...> (далее несколько строк до конца страницы практически не читаются)

18. (строки 1-2 не читаются) 3. дороги. И [он ответил ему], говоря: «[Какой дорогой [пойду я] в Иерусалим?» [Ответил] (5) ребенок, [говоря]: «Скажи свое имя, чтобы [я смог показать] тебе дорогу». [Ведь этот ребенок] знал, [что это был] Па[вел] (10) и (лишь) хотел вступить с ним в беседу, [чтобы] найти повод для разговора с ним. Ответил ребенок, говоря: «Я знаю (15) тебя, Павел, кто ты. Ты тот, который получил благословение от чрева своей матери³. Поэтому (ἐλεῖδῃ) я и [пришел] к тебе, чтобы ты смог [пойти в Иерусалим] к своим товарищам [апостолам. И] (20) поэтому [ты] был [призван. И] я ,есть Дух, [который будет идти] с тобой. Пусть [проснется твой ум]⁴, [Па]вел <...> (далее несколько строк до конца страницы не читаются).

19. (строки 1-2 не читаются) 3. среди начал (ἀρχή), и властей (ἐξουσία), [и]

¹ Перевод дается по изданию: «The Apocalypse of Paul» (V.2: 17.19-24.9). W. R. Murdock and G. W. MacRae (ed.). — Nag Hammadi Codices V, 2-5 and VI with Papyrus Berolinensis 8502, 1 and 4. Ed. by D. M. Parrott. Leiden, 1979, p. 50-63 (Nag Hammadi Studies. Vol. 11). В переводе указана страница рукописи и номер первой читаемой строки, например 17.19, а в тексте в круглых скобках для облегчения нахождения нужного места отмечены каждые пять строк. Следуя общепринятой практике перевода коптского текста, мы указывали в скобках греческие слова.

² Заглавие восстанавливается на основании названия, которым заканчивается текст. Практика, когда название стоит и в начале, и в конце сочинения, довольно обычна для текстов из Наг Хаммади; см., например, следующее сочинение той же рукописи — «Апокалипсис Иакова». Все реконструкции текста, принятые в этом переводе, предложены издателями (иные реконструкции см.: Koptischgnostische Apokalypsen aus Codex V von Nag Hammadi im Koptischen Museum zu Alt-Kairo. Halle-Wittenberg, 1963, S. 15-26), однако следует признать, что большая часть из них весьма гипотетична (если они не подкрепляются исправным текстом; ср., например, выше в этом же примечании и примеч. 4), и они приведены здесь в квадратных скобках лишь для сохранения связности повествования. С другой стороны, я не стремился придавать русскому переводу некую гладкую литературную форму, которой не было ни в греческом, ни в коптском текстах (правда, следует считаться и с тем, что коптский переводчик в ряде мест мог не понять греческий оригинал или не сумел адекватно передать его; кроме того, коптский текст мог быть искажен последующей рукописной традицией), и там, где язык коптского перевода выглядит навязчивым своей единообразностью (постоянные сочетания «ответил, говоря» — даже там, где никакого ответа не подразумевается), русский перевод сохранил эти особенности.

³ Т.е. от самого рождения. Ср. ниже, 23:3-4, где явная реминисценция к «Посланию к Галатам» (1:15).

⁴ Эта лакуна восстанавливается на основе 19:10.

архангелов, и сил⁵, (5) и всего рода (γέ[v]ος) демонов (δαίμων) ... тот, кто открывает тела (σῶμα) для семени души (ψυχή)». И после того, как он закончил эту речь, он ответил, говоря (10) мне: «Пусть твой ум (νοῦς) проснется, Павел, и увидит, что эта гора, на которой ты стоишь, это гора Иерихон, чтобы в том, что явно, ты смог узнать скрытое⁶. (15) Ты же (δέ) отправишься к двенадцати апостолам (ἀπόστολος)⁷, ведь (γάρ) они — это избранные духи (πνεῦμα), и они будут тебя приветствовать (ἀσπάζω)». Он⁸ поднял свои глаза и увидел их, (20) и они приветствовали (ἀσπάζω) его. Тогда (τότε) Святой Дух (πνεῦμα), который говорил с [ним], восхитил его к третьему небу, и он поднялся (25) к четвертому [небу]. И ответил ему Дух (πνεῦμα) [Святой], говоря: «Взгляни и увидь свой [образ] да земле». И он взглянул (30) вниз и увидел тех, [кто на] земле. Он вгляделся [и увидел] тех, кто на... [Тогда]

20.1. он стал вглядываться [вниз и] увидел двенадцать апостолов (ἀπόστολος) справа от себя и слева от себя среди твари (κτίσις)⁹, а (δέ) Дух (πνεῦμα) (5) ходил перед ними¹⁰. Я же¹¹ (δέ) увидел на четвертом небе согласно (κατά) {его} роду (γένος) увидел же (δέ) я ангелов подобных богам¹², ангелов, которые несли душу (ψυχή) из земли (10) мертвых¹³. Они поместили ее у ворот (πύλη) четвертого неба. И эти ангелы били ее плетью (μαστιγῶν). Ответила душа (ψυχή), говоря: «Какой грех я совершила

⁵ Перечень этих ангельских чинов известен из посланий Павла; см., например, «Послание к Эфессянам» (3:10) и «Послание к Колоссянам» (1:16) — начала и власти; «Послание к Римлянам» (8:38) — начала и силы; ср. ниже, 23:21-22.

⁶ Буквально: «те, которые скрыты, в тех, которые явны».

⁷ Буквально: «Двенадцать апостолов, ты отправишься к ним».

⁸ Неожиданная смена лица, от которого ведется рассказ. Ср. выше, где Павел выступает от первого лица. Подобная неряшливость в подаче материала свидетельствует о том, что мы имеем дело с непрофессиональным литератором, который, возможно, компилировал из различных источников.

⁹ Т. е. «среди тварного (созданного) мира». Это сочетание следует связать с «Посланием к Колоссянам» (1:23), где речь идет о евангелии, которое было проповедано «среди всякой твари под небом».

¹⁰ Образ Духа, «сходящего на апостолов», известен из «Деяний апостолов» (1:8 и 2:2). Не является ли Дух, «ходящий перед апостолами», опиской переписчика? Предлоги «на» и «перед» отличаются в коптском языке лишь одной буквой: 21XΩ- и 2AXΩ-.

¹¹ Опять смена лица повествователя: возвращение к рассказу от первого лица.

¹² Фраза не совсем понятная. Издатель предположил, что сочетание «согласно роду» («в соответствии с родом») в результате описки попало на другую строку, и не исключает возможности чтения: «но на четвертом небе я увидел ангелов, похожих на богов по роду...» Однако текст может быть понят и без исправления: «увидел я на четвертом небе согласно роду его», т. е. то, что Павел увидел на четвертом небе, соответствовало его представлениям о том, что он и увидел; ср., например, «Бытие» (1:11): «... семя... приносящее по роду своему плод».

¹³ Под «землей мертвых» автор скорее всего понимает Землю, которая ассоциируется у него с преисподней; ср. 20:19-20 и 23:13.

(15) в мире (κόσμος)?» И сборщик податей (τελώνης)¹⁴, место пребывания которого — четвертое небо, ответил, говоря: «Не подобало (тебе) совершать все эти беззакония (ἄνομία), которые в мире (κόσμος) (20) мертвых». Ответила душа (ψυχή), говоря: «Приведи свидетелей! Пусть они [покажут] тебе, в каком теле (σῶμα)¹⁵ я совершала беззакония (ἄνομία). [Хочешь ли] принести книгу, (25) [чтобы прочитать] из нее?»¹⁶ И пришли три свидетеля. Ответил первый, говоря: «[Разве не] был я [в] теле (σῶμα) два часа (30) <...>? Я восстал на тебя,

21.1 пока ты [пребывала] в гневе, [ярости] и зависти». И второй ответил, говоря: «Разве (μή) я не был в мире (κόσμος)? И я вошел в пять часов, и я увидел тебя и возжелал (ἐπιθυμέω) тебя. И вот теперь я обличаю тебя в убийствах, которые ты совершила». Ответил (10) третий, говоря: «Разве не (μή) приходил я к тебе в двенадцать часов дня, когда солнце начинало заходить? Я дал тебе тьму, пока ты не закончила свои грехи». (15). Когда душа (ψυχή) услышала это, она посмотрела вниз в скорби. И затем (τότε) она посмотрела наверх. Они бросили ее вниз. Душа (ψυχή), которую они бросили вниз, (20) [вошла] в тело (σῶμα), которое было уготовано [для нее. И] вот ее свидетели закончили. [А] я [посмотрел] наверх и [увидел] Духа, говорящего [мне]: (25) «Павел, пойдем! Пойди ко мне!» Когда же (δέ) я пошел, ворота (πύλη) открылись, [и] я поднялся к пятому [небу]. Увидел же я моих товарищей (30) апостолов (ἀπόστολος), [идущих со мной],

22.1 причем Дух (πνεῦμα) шел вместе с нами. И увидел я великого ангела на пятом небе, держащего железный посох в своей (5) руке. С ним были три других ангела, и я заглянул в их лица. Они же (δέ) спорили (ἐρίζω) друг с другом, погоняя с плетями (μάστιξ) в их руках (10) души (ψυχή) на суд (κρίσις). Я же (δέ) шел с Духом (πνεῦμα), и открылись мне ворота (πύλη). Тогда (τότε) мы поднялись к шестому небу. И я увидел моих товарищей апостолов (ἀπόστολος), (15) идущих со мной, и Дух (πνεῦμα) Святой держал меня перед ними. И поднял я глаза вверх, и увидел великий свет, светящий вниз на шестое небо. Я ответил, говоря (20) сборщику податей (τελώνης), который на шестом небе: «[Открой] мне и Духу (πνεῦμα) Святому, [который] передо мной». Он открыл [мне. Тогда мы поднялись] на седьмое [небо]. (25) [Я увидел] какого-то старика... света, [и его одежды] были белыми. [Его трон],

¹⁴ «Сборщик податей» или «мытарь» (как в Синодальном переводе Библии) — реалья, хорошо известная синоптическим евангелиям, но не встречающаяся в языке Павла. В раннехристианской литературе стало обозначением того, кто охраняет одно из небес (ср. ниже, 22:20-21 о страже шестого неба или 22:25; что предполагает, что у входа на каждое небо стоял такой привратник). В «1-м Апокалипсисе Иакова» (V, 3, 33:8) из Наг-Хаммади также встречаем это понятие.

¹⁵ Трудно сказать, каков точный смысл этой фразы; может быть, автор имел в виду переселение душ; ср. 21:19-21.

¹⁶ О том, что дела всех грешников записаны в книгу, которая будет читаться во время последнего суда, см., например, «Книгу пророка Даниила» (7:10); ср.: «придут дни и будут открыты книги, в которых записаны грехи всех, кто согрешил...» (2 Баруха 24:1).

который на седьмом небе, был светлее солнца (30) в [семь] раз. Ответил

23.1 этот старец, говоря мне: «Куда ты идешь, Павел, тот, который был удостоен благодати и избран от чрева его матери?» (5) Я же (δέ) взглянул на Духа (πνεῦμα), и он кивал своей головой, говоря мне: «Поговори с ним». И я ответил, говоря этому старику: «Я пойду в место (τόπος), (10) из которого я пришел». И ответил мне старец: «Откуда ты?» Я же ответил, говоря: «Я пойду в мир (κόσμος) мертвых, чтобы пленить (αἰχμαλωτίζω) тот плен (αἰχμαλωσία), который был пленен (αἰχμαλωτίζω) пленом (αἰχμαλωσία) Вавилона»¹⁷. Старец ответил мне, говоря: «Каким образом ты сможешь (20) избавиться от меня? Посмотри, и ты увидишь начала и власти». Ответил Дух, говоря: «Дай ему знак (σημεῖον)¹⁸, который есть у тебя, и [он] (25) откроет тебе». И тогда (τότε) я дал [ему] знак (σημεῖον). Он обратил своё лицо вниз к своему творению¹⁹ и к властям (ἐξουσία), которые принадлежали ему. И тогда (τότε) открылось (30) <седьмое>²⁰ небо, и мы поднялись в

24.1 Огдоаду²¹. Увидел же (δέ) я двенадцать апостолов (ἀπόστολος). Они стали меня приветствовать (ἀσπάζομαι), и мы поднялись на девятое небо. Я приветствовал (ἀπλώζομαι) всех тех, кто был на девятом небе, и мы поднялись на десятое небо. И я приветствовал (ἀσπάζομαι) моих товарищей духов (πνεῦμα)²². Апокалипсис (ἀποκάλυψις) Павла.

¹⁷ Опять реминисценция к языку Павла. См. «Послание к ефессянам» (4:8), где Павел цитирует 67-й псалом (19).

¹⁸ Непонятно, о каком знаке идет речь: или это что-то физическое, или, например, знак креста (т. е. осенение себя знаком креста).

¹⁹ Возможно, имеется в виду все, что находится на этом небе и подчинено этому ангелу.

²⁰ В рукописи ошибочно «шестое небо».

²¹ Упоминание Огдоады (восьмая небесная сфера) не обязательно свидетельствует о валентинианском (шире — христианско-гностическом) происхождении сочинения; эта концепция была известна герметистам (см.: «Поймандр»: Corp. Herm. 1:26) и митраистам: см.: Orig., Cels. VI, 22).

²² Кто эти «товарищи духи» апостола — непонятно.